

Р. Н. Лункин

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ РАН,
МОСКВА, РОССИЯ

Религиозная свобода как политическая ТЕХНОЛОГИЯ

Аннотация. Заложенные в международных декларациях и в конституциях большинства государств мира, принципы свободы совести и противодействия дискриминации по религиозному и национальному признаку стали большим историческим достижением человечества. Однако на определённом этапе свобода совести стала политическим инструментом. К этому привело стремление западных стран, главным образом США, создать свой собственный канон демократической системы, который можно было бы внедрять в другие общества и государства, делая их открытыми по отношению к американским интересам. Религиозный фактор приобрёл большое политическое значение как в отдельных региональных и мировых конфликтах, так и в борьбе неолиберального антитрадиционализма с идентизмом, который защищает право наций, культур, консервативных религий сохранять свою идентичность, а не трансформироваться вместе с линией леволиберальных элит, ЛГБТ-сообществ, феминисток и экологистов. Неолиберализм или антитрадиционализм готов любое провозглашение цивилизационной самобытности заклеймить как «ксенофобию» и «фашизм». Религия стала одним из основных пространств, где происходит борьба идентизма с антитрадиционализмом или с «либеральной демократией». В статье выделяется несколько сфер, где используется технология религиозной свободы в реальной политике. Во-первых, это демократизация законодательства отдельных стран и корректировка его положений, связанных со свободой совести, статусом

и регулированием деятельности религиозных объединений. Во-вторых, это формирование общественного мнения и общественных организаций, которые способствуют утверждению принципов религиозной свободы и действуют в русле неолитерального понимания демократии и норм политкорректности. В-третьих, это межрелигиозные круглые столы и тренинги с участием чиновников, религиозных лидеров и общественных объединений, что есть нечто другое, чем просто межрелигиозный диалог. Они «уравнивают» в публичном поле мусульман, православных, католиков, протестантов. Необходимые обществу и государству принципы религиозной свободы в контексте западного антитрадиционализма превратились в свою противоположность. Плюрализм, религиозное многообразие стали использоваться в качестве главной цели, так как они в наибольшей степени соответствовали запросам американской либеральной демократии и мирового антиидентизма. Нынешняя религиозная свобода оказалась далека от толерантности Вестфальского мира. Вместо мирного сосуществования новая концепция свободы совести, напротив, часто предлагает угнетение господствующих Церквей и традиций.

Ключевые слова: религиозная свобода, свобода совести, политические технологии, неолитерализм, антитрадиционализм, идентизм

Для цитирования: Лункин Р. Н. Религиозная свобода как политическая технология // Ортодоксия. — 2022. — № 1. — С. 126–139. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-1-126-139

Принципы религиозной свободы выросли из простой идеи мирного сосуществования различных религий и конфессиональных направлений в определённых политических и исторических обстоятельствах. Эта идея воплощалась различными способами, исходя из уровня политического сознания лидеров государств и необходимости согласования интересов друг с другом. В Римской империи включали чужих богов в свой пантеон, Золотая Орда была терпима к религии тех, кто платил ей дань, Вестфальский мир в XVII веке установил право исповедовать различные христианские убеждения, то есть быть католиком или членом какого-либо из многообразных протестантских течений, возникших после Реформации.

Свобода совести в более широком смысле, то есть свобода деятельности и исповедания своих убеждений для всех религиозных направлений, является достоянием не такого уж и далёкого прошлого. Относительная свобода в этой сфере была установлена в Северной Америке вместе с основанием американских штатов (это не означает, что можно было спокойно существовать безо всяких ограничений, основав свою религию, но формально свобода существовала для всех, и мормоны, к примеру, в XIX веке преодолели период серьёзных гонений со стороны «истинных христиан»). Примерно в тот же период провозглашения независимости США в Российской империи сложилось содружество традиционных религий, когда в конце XVIII — в XIX веке были признаны на официальном уровне мусульмане (создано духовное управление в Уфе) и буддистские ламы.

Возможный расцвет многообразной религиозной жизни в начале XX века был прерван в России советским экспериментом, а в Европе — фашистскими диктатурами. Современные учебники и курсы по свободе совести ссылаются в основном на международные документы, которые появились в послевоенный период и были связаны с формированием нового справедливого мирового порядка, системы взаимодействия разных стран в рамках системы ООН, а также поисков путей солидарного развития европейских стран, с началом созидания единой Европы.

Заложенные в международных декларациях, а затем и в конституциях большинства государств мира, принципы свободы совести и противодействия дискриминации по религиозному и национальному признаку стали большим историческим достижением человечества. Конституирование свободы совести как неотъемлемой части прав человека и демократических норм стало воплощением идеальных представлений послевоенных политиков о правилах сосуществования в мире, который вступал в эпоху глобализации и гонки вооружений. Никто в мире не отрицает необходимости религиозной свободы и постоянного поддержания её уровня в постоянно меняющемся мире, однако на определённом этапе свобода совести стала политическим инструментом. К этому привели, по крайней мере, два основных фактора.

Во-первых, это стремление западных стран, главным образом США, создать свой собственный канон демократической системы, который можно было бы по аналогии внедрять в другие общества и государства, делая их более открытыми, в том числе по отношению к американским интересам. Распространение влияния США происходило под эгидой

левой идеологии «либеральной демократии», политкорректности и прав меньшинств, а защита прав верующих лучше всего подходила в качестве ключевого и достаточно привлекательного элемента, естественно, не вызывающего, как правило, ни у кого возражений. Идеология свободы совести, включающая толерантность, плюрализм, равноправие, стала, таким образом, своего рода «троянским конём» американской политики.

Во-вторых, религиозный фактор приобрёл большое политическое значение как в отдельных региональных и мировых конфликтах (особенно после терактов 11 сентября 2001 года и в войнах на Ближнем Востоке), так и в борьбе неолиберального антитрадиционализма с идентизмом, который защищает право наций, культур, консервативных религий на то, чтобы оставаться самими собой, сохранять свою идентичность, а не трансформироваться вместе с линией леволиберальных элит, ЛГБТ-сообществ, феминисток и экологов¹. Неолиберализм или антитрадиционализм, с одной стороны, защищает свободу религии, с другой стороны, готов любое провозглашение цивилизационной самобытности заклеить как «ксенофобию» и «фашизм». Религия утвердилась в качестве одного из основных пространств, где активизировалась борьба идентизма с антитрадиционализмом или с «либеральной демократией». Обозначение новой роли религии давно стало общим местом в науке: «В условиях повышенных рисков современности религиозная тематика, религиозные идеологии, религиозные институты как аттракторы политической риторики и социальных практик становятся актуальными и “ощущаемыми” в повседневной жизни, в социальных срезках, в межличностных отношениях, они становятся общественными доминантами и объектами пристального политического внимания» (Современная политическая наука 2019: 29). Фактор веры рассматривается уже через призму постсекулярного понимания развития общественного сознания и влияния религиозных институтов.

В контексте политизации религии в современном мире религиозная свобода стала использоваться в качестве политической технологии или инструмента. Под политической технологией, как правило, понимают «совокупность способов, методов и процедур воздействия на человеческие массы с целью изменения их политического поведения в достижении определённых целей, а также решения политических и управленческих задач» (Демидченко 2015: 140). Среди основных

¹ См.: (Лункин, Филатов 2019), (Лункин, Филатов 2020).

приёмов технологий — изменение правил взаимодействия между участниками общественно-политического процесса, а также разные способы воздействия на общественное сознание и общественное мнение, то есть политическое манипулирование (Демидченко 2015: 141).

Большой простор для размышлений об инструментализации религиозной свободы в политическом пространстве даёт доклад директора Русской экспертной школы В. А. Щипкова «Системное давление США на Русскую Православную Церковь в идейном и геополитическом противостоянии». Доклад даёт всесторонний анализ по преимуществу американского подхода к данной теме, мировоззрения и институтов, призванных реализовать соответствующую политику. Как отмечает в докладе В. А. Щипков, «основополагающим тезисом для обоснования необходимости продвижения религиозной свободы в мире является утверждение прямой связи между свободой религии и стабильной демократией, экономическим ростом и социальной гармонией». Большое внимание к восприятию свободы совести в США связано с тем, что именно американская государственная система довела уровень инструментализации религиозного фактора до совершенства, поскольку аналогов такого рода систематизации продвижения свободы совести на глобальном уровне нет.

Начиная с 1998 года, когда президент США Билл Клинтон подписал Закон о международной религиозной свободе (International Religious Freedom Act, IRFA), защита свободы совести стала инструментом внешней политики. Это значит, что были разработаны каналы влияния по продвижению этой части стратегии и «наказания» в том случае, если какая-либо страна действует вразрез с пониманием религиозной свободы во внешней политике США. Одно перечисление разного рода учреждений, должностей и фондов, специализирующихся на этой тематике, может занять несколько страниц. Это Управление по вопросам религии и международных отношений (Office of Religion and Global Affairs, ORGA), Управление по вопросам международной религиозной свободы в Государственном департаменте США (Office of International Religious Freedom, OIRF), его глава — посол по особым поручениям по вопросам международной религиозной свободы (Ambassador at Large for International Religious Freedom), Комиссия США по международной религиозной свободе (United States Commission on International Religious Freedom, USCIRF), издающая доклад о свободе совести в разных странах мира. «Закон о международной религиозной свободе Фрэнка Вульфа» (Frank R. Wolf International

Religious Freedom Act) добавил перечень «стран, находящихся под особым наблюдением», а также тех, кто «вызывает особую озабоченность» и «список ответственных лиц», виновных в дискриминации верующих в разных странах (Щипков 2022). По сути, религиозный санкционный список используется для разграничения стран в зависимости от их роли и места во внешнеполитической линии США, в качестве дополнительного политического давления на руководства и общественное мнение тех или иных стран, представляющих, с точки зрения Белого дома, опасность для глобального демократического порядка (как Китай или Россия). Американские институты не были бы столь эффективны, если бы не была выстроена также архитектура различных органов власти в этой сфере на уровне ООН и в других странах и объединениях. Уполномоченные по свободе совести есть не только в ООН, но и в Европейском союзе, в Форин-офисе в Британии и т. д. Внешнеполитические ведомства западных государств и, к примеру, арабских, ближневосточных, департаменты, которые курируют религиозную сферу, встроены также в общую гуманитарную политику «мягкой силы» той или иной страны.

Особенностью западной политики (США и Евросоюза), особенно в значимых общественно-политических сферах, таких как экология и социальные программы, является наличие экспертной базы и неформальных (негосударственных) каналов и институтов для реализации поставленных целей. Такая же система действует и в религиозном поле. Официальный уровень заявлений и докладов Госдепа США или комиссии Конгресса США — это только вершина айсберга, под которым работает масса спикеров, экспертных сообществ, правозащитных, околонаучных, профессиональных НКО и межрелигиозных объединений. Это, например, Институт глобального взаимодействия под руководством Роберта Сейпла, поддерживающий свою сеть НКО на постсоветском пространстве. Или это Ассоциация религии и бизнеса во главе с Брайаном Гримом, продвигающая идеи толерантности и прав верующих в коммерческой среде в качестве одного из критериев эффективности оценки бизнеса и открытости экономики, хотя, казалось бы, для многих предпринимателей эта тема является второстепенной. Тем не менее Ассоциация вручает премии наиболее отличившимся бизнесменам в разных странах мира.

Можно выделить несколько сфер, которые могут продемонстрировать, как используется технология религиозной свободы в реальной политике.

Во-первых, это демократизация законодательства отдельных стран, в том числе через корректировку его положений, связанных со свободой совести, статусом и регулированием деятельности религиозных объединений. С конца 1990-х годов давление оказывалось, например, на российские власти из-за принятия Закона о свободе совести 1997 года, который подразумевал 15-летний срок для новых религиозных организаций до получения ими юридического лица. Источником давления был широкий спектр правозащитных организаций, площадка ОБСЕ, Госдеп США, научные круги и научно-исследовательские центры в американских университетах. Однако Россия не была единственным объектом критики со стороны американских и европейских экспертов. Представители Международного консорциума по религии и праву (долгое время его главой был Кол Дурэм) редактировали конституционное законодательство в самых разных странах мира, не только на постсоветском пространстве, но и во Вьетнаме или Индонезии. Главной целью было добиться «базового статуса» в законодательстве для всех религий, каким бы весом в обществе они ни обладали, а также обеспечить толерантное отношение чиновников и общества к новой системе ценностей, из которой убран примат традиционной веры какого-либо народа.

В борьбе за достижение идеалов этой основополагающей свободы, как отмечает Кол Дурэм, существует множество реальностей, которые очень сложно изменить: укоренившееся в обществе отношение, иногда закреплённое веками напряжённости и взаимного ожесточения; болезненная история дискриминации и преследования; этническая вражда; ограниченные возможности системы образования в прививании ценностей взаимной терпимости и уважения; неспособность религиозных лидеров содействовать переводу религиозных идеалов уважения к другим в практическую религиозную деятельность и так далее: «На этом порой угнетающем фоне прогресс в сфере законодательства о религиозных объединениях, хотя и не без присущих ему проблем, относительно лёгок и способен оказать мощное влияние на достижение общей цели содействия реализации свободы религии и убеждений» (Свобода религии и убеждений 2010, глава VII). Международный эксперт Дурэм, в частности, подчёркивает, что «основополагающие принципы прав человека накладывают ограничения даже на самые глубоко укоренённые модели государственного сотрудничества или установления официальной “традиционной” религии» (Свобода религии и убеждений 2010, глава VII).

С этой точки зрения совершенно логична борьба против российского Закона о свободе совести 1997 года, которую вели юристы и религиоведы в России, Европе и США, на всех международных площадках. Закон предполагал выделение исторически укоренённых религиозных объединений, хотя и не содержал термина «традиционные религии», который применялся в публичном пространстве. Кроме того, в правозащитной среде российское законодательство также подвергалось критике за попытки создать многоуровневую систему преференций и регулирования деятельности религиозных объединений. В полноценном объёме такой системы в России не было создано, а до «Закона Яровой» 2016 года, который ввёл нормы контроля миссионерства, российское законодательство о свободе совести, по существу, было самым либеральным в Европе и развивалось по законам западной секуляризации.

Во-вторых, это формирование общественного мнения и общественных организаций, которые способствуют утверждению необходимых принципов религиозной свободы и действуют в русле общего неолиберального понимания демократии и норм политкорректности. Это почти всегда означает также неприятие «врагов демократии» и тех представителей власти, структур, организаций, которые нарушают международные принципы и нормы или являются союзниками противников американского порядка. Данный подход проявился в ходе украинского кризиса, когда одна Церковь использовалась против другой (Константинопольский Патриархат против Московского Патриархата), а радикальные группировки украинских националистов становились вполне приемлемыми для западных политиков, поскольку они помогали бороться с господствующей структурой (Украинской Православной Церковью), а значит, продвигали ценности плюрализма и многообразия. Характерным в этой связи является интервью главы Госэтнополитики Украины и религиоведа Виктора Еленского, в котором он акцентирует внимание на равноправии, на том, что на Украине нет никакой «главной» Церкви, а затем прямо говорит о необходимости искоренить господствующую Церковь в силу политической необходимости: «Я думаю, что у структур Московского патриархата нет будущего в Украине... Я не могу себе представить, каким может быть это будущее. Разве что какое-то инерционное. Я понимаю, что люди ходят в определённую церковь к определённому священнику. Этот священник может быть хорошим или посредственным, каким угодно, и люди его не отождествляют с “русским миром”, но так

или иначе он принадлежит к этому пространству, он учился в их учебных заведениях и пропитывался тем духом, этот путь освобождения от этого “русского мира” неизбежен»². В этой логике УПЦ как господствующая Церковь становится основным препятствием к полной консолидации общества на антироссийских основаниях, поэтому вмешательство во внутренние дела Церкви, с точки зрения власти, оправдано. Главное, как отмечает В. Еленский, это разорвать любые связи с Русской Православной Церковью, тогда УПЦ, возможно, не будет ликвидирована. В данном случае политическая логика украинского национализма адаптируется к нормам свободы совести через «уравнение» всех религий ради установления идеологически правильной церкви.

Спектр политического насилия над Церковью сейчас довольно широк — от прямого давления и попыток отделения Церкви от РПЦ законодательно, как в Литве, до угроз ликвидации церковных структур, если они не войдут в планируемую нынешними киевскими властями единую украинскую «православную церковь». Более мелкие примеры психологического давления — когда главу Польской Православной Церкви митрополита Савву стыдили за поздравления в адрес патриарха Кирилла, а от главы Молдавской митрополии РПЦ митрополита Владимира требовали осудить своего патриарха (как в Эстонии в истории с митрополитом Евгением). Политики очень легко нарушают свободу совести по всему миру, так как по-прежнему рассматривают религиозные институты как часть государственной системы, а сами институты так уже не считают.

В-третьих, это межрелигиозные круглые столы и тренинги с широким участием чиновников, религиозных лидеров и общественных объединений, то есть это нечто другое, чем просто межрелигиозный диалог. Яркий пример — это концепция «Заветного плюрализма», продвигаемая организацией LYNC (Love Your Neighbor Community) во главе с Уэйдом Кьюсаком. Этот проект действует при поддержке Института глобального взаимодействия и проводит конференции и тренинги в Центральной Азии, меняя, таким образом, общественный климат, налаживая отношения с местными властями. Один из примеров работы американцев — это выстраивание «пространства диалога и свободы вероисповедания для всех»

² Возможен ли «церковный компромисс» в Киево-Печерской лавре? // — 2023. — 6 апреля. — URL: <https://www.dw.com/uk/superecka-navkolo-upc-mp-ci-mozlivij-cerkovnij-kompromis-ulavri/a-65240490> (дата обращения: 06.04.2023).

в Казахстане. Главным оператором мероприятий в сфере свободы совести является Ассоциация религиозных объединений Казахстана (АРОК), глава — пастор евангельской церкви в Астане Александр Ключев. АРОК регулярно выступает на панели ОБСЕ БДИПЧ, где представлена экспертами из протестантской среды. С 2020 года по республике ежегодно проводятся обучающие семинары, круглые столы и ретриты по межрелигиозному диалогу для чиновников по религиозным делам и религиозных деятелей при поддержке фонда Темплтона, Фонда за демократию, организации LYNC, с участием мормонов из Университета Бригама Янга. Тренинги проводятся совместно с Комитетом по делам религий. Как правило, на республиканских ретритах присутствует около 15 начальников управлений по делам религии из регионов, пасторы, имамы, православные. Акцент сделан на дискуссии во время семинаров, обсуждение общих тем о семье, молитве, роли чуда в жизни и т. д. и неформальное общение (даже в бане и бассейне, к примеру). Девиз круглых столов — от дискуссий к диалогу. Такого рода работа достаточно эффективно «уравнивает» в публичном поле мусульман, православных, католиков, протестантов.

* * *

Чрезвычайно необходимые обществу и государству принципы религиозной свободы в политическом контексте западного антитрадиционализма превратились в свою противоположность. Плюрализм, религиозное многообразие стали использоваться в качестве главной цели, так как они в наибольшей степени соответствовали запросам американской либеральной демократии и в целом мирового антиидентизма. Это запрос на открытые границы и открытую экономику в духе глобализма, а также размывание или трансформация традиций и традиционных представлений, исторически укоренённых институтов, поскольку именно они цементируют суверенную идентичность государства и его граждан и не дают её «открыть» миру, а значит, являются препятствием на пути трансформации общества.

Нынешняя религиозная свобода оказалась достаточно далека от толерантности Вестфальского мира. Вместо мирного сосуществования новая концепция свободы совести часто предлагает угнетение господствующих Церквей и традиций, что уже нельзя назвать миром. Кроме того, поменялся и смысл понятия «сосуществование». В рамках нынешней

западной идеологии свободы совести недостаточно просто жить мирно в обществе. Если в нём нет многообразия религиозных сообществ, утверждённого на законодательном уровне и очевидного в публичном поле, то такое многообразие должно быть насаждено фактически силой. Ниспровержение традиции большинства является благом, в каких бы обстоятельствах оно ни происходило. Такое положение дел явно контрастирует как с ценностями классического либерализма, так и с нормами свободы совести, утверждёнными в международных документах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Демидченко В. В. Понятие политических технологий: сущность, формы и виды // Власть. — 2015. — №12. — С. 140–142.

Лункин Р. Н., Филатов С. Б. Борьба «за» и «против» идентичности во внутриполитических процессах // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63, № 9. — С. 50–60.

Лункин Р. Н., Филатов С. Б. Международные отношения и война антитрадиционализма с идентитетом // Мировая экономика и международные отношения. — 2020. — Т. 64, № 4. — С. 5–14.

Свобода религии и убеждений: основные принципы (философия, законодательство, защита свободы совести). — М.: Ин-т религии и права, 2010. — 744 с.

Современная политическая наука. Методология. — М.: Аспект Пресс, 2019. — 776 с.

Щипков В. А. Политические и институциональные подходы к продвижению международной религиозной свободы в системе внешней политики США в 1998–2020 гг. // Вестник МГИМО-Университета. — 2022. — Т. 15, № 5. — С. 150–181.

Сведения об авторе:

Лункин Роман Николаевич — доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора Института Европы РАН, 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 3, e-mail: romanlunkinn@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.10.2022; одобрена после рецензирования 27.11.2022; принята к публикации 01.12.2022.

Religious Freedom as a Political Technology

R. N. Lunkin

THE INSTITUTE OF EUROPE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES,
MOSCOW, RUSSIA

Abstract. The principles of freedom of conscience and of non-discrimination on religious and national grounds, forming the basis of international declarations and constitutions of most states of the world, have become a great historical achievement of mankind. However, at a certain stage, the freedom of conscience became a political tool. This was caused by the desire of Western governments, mainly the United States, to create their own democracy canon that could be introduced into other societies and states, making them open to American interests. The religious factor has acquired a great political significance both in regional and global conflicts, and in the struggle between neoliberal anti-traditionalism and identity, which protects the right of nations, cultures and conservative religions to preserve their identity, instead of transforming along with the pattern of left-liberal elites, LGBT communities, feminists and environmentalists. Neoliberalism, or anti-traditionalism, eagerly brands any declaration of civilizational identity as “xenophobia” and “fascism”. Religion has become one of the main fields, where the struggle between identity and anti-traditionalism or “liberal democracy” takes place. The article highlights several areas, where the religious freedom is used as a technology in real politics. The first one is the democratization of legislation in individual countries and the adjustment of its provisions related to the freedom of conscience, the status of religious associations and the regulation of their activity. The second one is the shaping of public opinion and the formation of public interest organizations that promote the principles of religious freedom and act in line with the neoliberal understanding of democracy and the norms of political

correctness. The third one is interreligious round tables and trainings with the participation of public officials, religious leaders and public associations, which is something other than just an inter-religious dialogue. They “equalize” Muslims, Orthodox Christians, Catholics, and Protestants in the public field. The principles of religious freedom that the society and the state need in the context of Western anti-traditionalism have become their opposite. Pluralism and religious diversity started to be used as the primary target, since they both most closely corresponded to the demands of American liberal democracy and world anti-identity. The current religious freedom turned out to be far from the tolerance of the Peace of Westphalia. Instead of peaceful coexistence, the new concept of the freedom of conscience, on the contrary, often suggests the oppression of dominant churches and traditions.

Keywords: religious freedom, freedom of conscience, political technologies, neoliberalism, anti-traditionalism, identity

For citation: Lunkin, R. N. (2022). Religious Freedom as a Political Technology. *Orthodoxia*, (1), 126–139. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-1-126-139

REFERENCES:

Demidchenko, V. V. (2015). Poniatie politicheskikh tekhnologii: su-shchnost', formy i vidy [The Concept of Political Technologies: Essence, Forms and Types]. *Vlast'*, 12, 140–142. [In Russian].

Lunkin, R. N., Filatov S. B. (2020). Mezhdunarodnye otnosheniia i voina antitraditsionalizma s identitetom [International Relations and the War of Anti-Traditionalism with Identity]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 64(4), 5–14. [In Russian].

Lunkin, R. N., Filatov, S. B. (2019). Bor'ba “za” i “protiv” identichnosti vo vnutripoliticheskikh protsessakh [The Struggle “For” and “Against” Identity in Internal Political Processes]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 63, (9), 50–60. [In Russian].

Shchipkov, V. A. (2022). Politicheskie i institutsional'nye podkhody k prodvizheniiu mezhdunarodnoi religioznoi svobody v sisteme vneshnei politiki SShA v 1998–2020 gg. [Political and Institutional Approaches to the Promotion of International Religious Freedom in the System of US Foreign Policy in 1998–2020]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 15(5), 150–181.

[In Russian].

Sovremennaiia politicheskaia nauka. Metodologiya [Modern Political Science. Methodology]. (2019). Moscow: Aspekt Press. [In Russian].

Svoboda religii i ubezhdenii: osnovnye printsipy (filosofiia, zakonodatel'stvo, zashchita svobody sovesti) [Freedom of Religion and Belief: Basic Principles (Philosophy, Legislation, Protection of Freedom of Conscience)]. (2010). Moscow: Institut religii i prava. [In Russian].

About the author:

Roman Nikolayevich Lunkin — Doctor of Political Sciences, Professor, Vice director, The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009, e-mail: romanlunkinn@yandex.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 13.10.2022; approved after reviewing 27.11.2022; accepted for publication 01.12.2022.